

Дорогие друзья

Я задолбалась писать этот длинный ник про собак и волков

Так что небольшая справка:

По-китайски это пишется: «狼心狗肺» (Láng xīn gǒu xīn) — дословно «Волк прячет собачье сердце».

Суть в непереводимых Китайских каламбурах:

В китайском языке «狗» (gǒu — собака) — это радикал (ключевой компонент) внутри иероглифа «狼» (láng — волк). Ник играет на этой связи: волк (狼) внешне грозный, но внутри у него «собачья» (狗) сущность — то есть преданность, дружелюбие.

В общем с этого момента, давайте остановимся на нейтральном « Волк с собачьим сердцем» - хоть немного покороче.

После осеннего дождя погода стала холодной и туманной, а жёлтые листья поредели. Ранним утром школьный двор окутал лёгкий туман. Первокурсники, которым предстояло пройти военную подготовку, собрались на поле перед зданием. Сян Сюэхуа дважды пересчитала учеников, но одного из их класса всё ещё не было. Когда Бай Юйчжу уже собиралась звонить его родителям, Юй Жань наконец появился, таща за собой огромный багаж.

— Зачем ты столько вещей притащил? Ты что, переезжаешь? — Бай Юйчжу смотрела, как он с трудом затаскивает 28-дюймовый чемодан на ступеньки. — Мы разрешили тебе участвовать в военной подготовке, чтобы ты закалил характер, а ты воспринимаешь это как вечеринку, да?

Переведя дух после успешной транспортировки чемодана, Юй Жань стиснул зубы, поднял тяжёлый туристический рюкзак и ответил классной руководительнице:

— Я принёс «Англо-китайский словарь»... «Оксфордский словарь»... «Новую концепцию английского» и кассеты для аудирования... Голова может быть дырявой, но английский — никогда!

Его тело едва выдерживало вес рюкзака, он почти согнулся пополам, напоминая горбуна. И всё же, собрав последние силы, он выдавил:

— Сила знаний вот-вот раздавит меня...

Бай Юйчжу рассмешил его раскрасневшийся вид, и она лично помогла ему с багажом, попутно предупредив:

— Юй Жань, веди себя хорошо на военной подготовке. Никаких нарушений, иначе дисциплинарное взыскание занесут в личное дело как серьёзный проступок.

— Эй... Да я же не такой уж непослушный, — Юй Жань надулся, считая её нотации излишними. — У меня ещё куча несделанных домашних заданий, мне некогда хулиганить.

Бай Юйчжу пристально посмотрела на него и, погрозив пальцем, спросила:

— Ты вообще помнишь свои сегодняшние слова? И ещё кое-что. Это ты катался на памятнике перед школой?

— Да, а что? — Юй Жань возмутился. — Разве лошадь не для того, чтобы на ней ездить?

Бай Юйчжу едва не хлопнула его.

— Превосходный пример ты подаёшь! Теперь там каждый день кто-то тайком катается, и постамент уже трескается. Разве экспонаты рассчитаны на твои дикие выходы?

— Значит, качество плохое. Вот бронзовая лошадь на Цзюбао-стрит — я на ней катался, а она как новенькая, — Юй Жань сохранял непоколебимую уверенность в своей правоте.

Бай Юйчжу бросила на него сердитый взгляд и обратилась к остальным мальчикам:

— Присматривайте за Юй Жанем, следите друг за другом и соблюдайте правила на военной подготовке.

Когда подсчёт учеников закончился, пришло время отправляться. Несмотря на то что дети уже в старшей школе, у ворот собралось множество родителей, которые не успокоились, пока лично не проводили их в автобус.

Чу Мянью сидел в первом ряду, разматывая наушники. Соседнее сиденье внезапно опустилось под чьим-то весом — это был Юй Жань.

— Не садись ко мне. Здесь и так тесно, — сразу заявил Чу Мянью.

— Фан Чжао занял последний ряд, а меня укачивает, — Юй Жань поставил рюкзак на пол и снял камуфляжную куртку. — Почему у тебя так мало вещей? Я хотел взять коробки с едой, но они не влезли.

— Ты наверняка набрал одни снеки. Упаковка на половину состоит из воздуха, конечно, места много занимает, — Чу Мянью надел наушники и небрежно добавил: — Тебе бы пару вёдер корма прихватить.

— Что, кормить тебя? — Юй Жань откинулся на спинку сиденья и уставился на рюкзак у Чу Мянью на коленях. — Что ты взял? Есть что-нибудь вкусное?

Чу Мянью молча переложил рюкзак к нему на колени, разрешая порыться. Юй Жань расстегнул молнию и сразу заметил золотистый флакон в одном из отделений.

— Чу Мянью, ты зачем солнцезащитный крем взял? — громко возмутился он.

Удивлённый Чу Мянью снял наушники.

Накануне он заснул во время сборов, и тётя сама доложила ему вещей. Он не ожидал, что она положит крем. Он выхватил флакон и сунул обратно, тихо приказав Юй Жаню заткнуться.

Но тот продолжал орать:

— Неужели ты ещё и грелки зимой под одежду кладёшь? Если так, то я тебя презираю, Чу Мянью. Какой же ты мужчина, если боишься солнца и ветра?

Он повернулся к Чу Мянью, но тот отвернулся к окну, игнорируя его. Дальнейшие попытки поговорить тоже не увенчались успехом. Тогда Юй Жань осторожно тряхнул его за руку и сдавленно признал:

— Ладно, ладно, больше не буду. Крем — это отлично! Если мужчина не может защитить даже свой цвет кожи, то что он тогда может?

Он наклонился, чтобы разглядеть лицо Чу Мянью, и увидел, что тот, кажется, спит. Желая обеспечить ему комфорт и избавить от кошмаров, Юй Жань нащупал кнопку регулировки спинки и, не раздумывая, нажал её.

Спинка резко откинулась назад.

Девушка сзади вскрикнула от неожиданности, и её телефон со звоном упал на пол, выдернув штекер наушников.

Прежде чем Чу Мянью успел осознать внезапное падение, рядом с его головой раздался протяжный мужской стон — смурной, страстный, откровенно эротичный.

...Звук явно принадлежал контенту категории 18+.

Чу Мянью резко открыл глаза и поднялся, поспешно надев наушники и делая вид, что ничего не слышал.

Е Си побледнела как смерть. Она с ужасом смотрела на телефон под сиденьем Чу Мянью, где на экране продолжался «Sensitive Pornograph» — BL-хентай, скачанный ею накануне. Как раз в самый пиковый момент спинка переднего сиденья внезапно откинулась, заставив её вздрогнуть и выронить телефон. В руках остался только провод от наушников.

Самое ужасное было в том, что спинка сиденья Чу Мянью теперь полностью перекрывала доступ к телефону. Она могла только слушать, как актёры озвучки выдавали один откровенный звук за другим. В напряжённой тишине автобуса каждый стон казался пощёчиной, а взгляды одноклассников — ударами по её достоинству.

«Отличный сегодня день... чтобы выброститься из автобуса и умереть,» — медленно проплыло в пустом сознании Е Си жирным шрифтом.

Но это был ещё не предел её сегодняшнего унижения.

Юй Жанью, привлечённый звуками, попытался разглядеть телефон в щели между сиденьями и добил её одной фразой:

— Эй, а о чём они там говорят?

Е Си мечтательно расправила ноги, желая раствориться в блаженном небытии.

Чу Мянью поспешно закрыл Юй Жанью глаза, оттолкнул его на место и поднял спинку, чтобы Е Си могла подобрать телефон и положить конец этому кошмару.

Прошло много времени, прежде чем атмосфера в автобусе снова разрядилась.

— Ты знаешь, что такое «хентай»? — Юй Жанью не мог усидеть на месте и снова принялся допытывать Чу Мянью.

— ... — Чу Мянью не хотел обсуждать эту тему и холодно ответил: — Не желаю знать.

— Тогда я просвещу тебя в этом вопросе! — Юй Жанью с энтузиазмом закатал рукава.

Чу Мянью раздражённо цыкнул и оттолкнул его. Но Юй Жанью продолжал болтать без остановки, с серьёзным видом объясняя, что означают термины «хентай» и «эро». Впрочем, его

объяснения оставались поверхностными, не выходя за рамки словарных определений.

Лицо Чу Мянэ сначала покраснело, но по мере монолога Юй Жэнь снова приобрело обычную бесстрастность.

Автобус постепенно сбавил скорость и плавно подъехал к месту проведения военных сборов.

Юй Жэнь перегнулся через Чу Мянэ, откинул занавеску и громко прочитал вывеску:— «Ронганский народный... Центр оборонного воспитания».

— Гражданской обороны, — поправил Чу Мянэ, шлёпнув его по лбу. — Садись, автобус ещё будет заезжать внутрь.

Десять минут спустя автобус окончательно остановился, и студенты начали неторопливо выгружать багаж. Юй Жэнь, тащивший на себе гору сумок и громадный чемодан, закономерно отстал от группы. Фан Чжао и остальные, уже выбравшие комнаты в общежитии, спустились помочь ему занести вещи.

— Юй Жэнь, что это у тебя так звенит? — поинтересовался один из парней, услышав металлический лязг из глубины баула.

— А, это котелок для хого, — невозмутимо ответил Юй Жэнь.

Спрашивавшего звали Чжоу Вэйси — недавний знакомый Юй Жэнь. Поначалу они друг друга терпеть не могли: Чжоу Вэйси считал Юй Жэнь шумным, агрессивным и откровенно хулиганистым типом, а Юй Жэнь раздражался из-за манерности нового знакомого — тот то и дело цитировал древние стихи или английскую прозу, разгуливая с раскладным веером в руках, будто нарочно напрашиваясь на подзатыльник.

На прошлом уроке истории, когда Юй Жэнь вызвали к доске, он растерялся и не смог связать двух слов. Чжоу Вэйси, сидевший в нескольких метрах, влез с подсказкой, а в конце ещё и язвительно добавил: «Даже этого не знаешь».

Юй Жэнь тогда взорвался:— Тебя кто просил за меня отвечать? И вообще, зачем язык чесать?

Чжоу Вэйси плавно сложил веер и проговорил свысока:— Мне кажется, ты просто попусту тратишь время. Улавливаешь?

Юй Жэнь хлопнул по парте, едва сдерживаясь, чтобы не врезать:— Ёб твою... Если ты китаец, хватит корчить из себя западника!

Вражда, вспыхнувшая на истории, неожиданно разрешилась на физкультуре — благодаря

популярной среди школьников игре «Счастливый уголок».

В северных городах вроде Ронганга эту забаву называли «Разводиловка». Суть заключалась в том, что компания парней поднимала «жертву», растягивала за руки и ноги и начинала тереть его промежность о различные предметы — деревья, перила, кактусы, булавы и даже потолочные вентиляторы. Иногда «предметом» становился другой парень...

Чжоу Вэйси оказался самым «разводимым» в классе — его манера изящно отпускать язвительные комментарии действительно требовала воспитательных мер. От дверного косяка до компьютерного класса, от центральной клумбы до сцены — каждый уголок школы Чэнцзюнь сохранил следы «воспитания» Чжоу Вэйси. Юй Жань даже подозревал, что бронзовый конь у входа в школу пострадал именно от их игр.

Но именно в таких подколах и взаимных подначках рождается мужская дружба. Вскоре Чжоу Вэйси получил прозвище «Чжоу Шужэнь» (в честь Лу Синя), которое затем трансформировалось в «Братишка Ча».

[Чжоу Шужэнь (周树人) — это подлинное имя великого китайского писателя Лу Синя (鲁迅), которое он получил при рождении. «Лу Синь» — его самый известный литературный псевдоним, принятый в 1918 году.]

— Братишка Ча, тебе верхнюю или нижнюю койку? — Юй Жань, разложив вещи, стал обсуждать с Чжоу Вэйси распределение мест. В итоге они просто сыграли в «камень-ножницы-бумага». Проиграв, Юй Жань с сожалением забрался на верхнюю полку.

Раскладывая постельное бельё, которое для него приготовила Ли Гуйжун, он заметил, что Чу Мянью устроился на соседней верхней койке — их подушки разделяли всего десять сантиметров. Юй Жань перегнулся через бортик:

— Тебе нравится спать наверху?

— Мне не нужно участвовать в тренировках, — Чу Мянью разглаживал простыню.

Во-первых, забираться наверх неудобно. После изматывающих занятий все валятся с ног, а карабкаться по лестнице — лишняя нагрузка. Чу Мянью из-за нарколепсии освободили от строевой подготовки — ему разрешили просто наблюдать. Раз уж место не имело для него значения, он предпочёл уступить удобную койку другим.

В коридоре раздался свисток инструктора, приказывая быстрее переодеваться в камуфляж и строиться на улице.

Юй Жань, подвернув штанины, сочетал камуфляж с белыми кроссовками Adidas — выглядело это бодро и стильно.

Когда все переоделись и построились перед зданием, инструктор снова свистнул:

— Желающие стать старостами общежития — шаг вперёд!

Юй Жань как раз шептался и хихикал с соседом, когда кто-то сильно толкнул его в спину. Он едва не врезался в инструктора.

— Чёрт возьми, Чу Мянью, ты... — Юй Жань оскалился, обернувшись.

Чу Мянью встал по стойке «смирно» и насмешливо приподнял бровь.

Так Юй Жань стал старостой — теперь он должен был будить всех по утрам и следить за порядком. За любые провинности соседей по комнате отвечал бы тоже он.

После распределения всех должностей инструктор ещё раз напомнил о дисциплине и повёл группу на собрание. Мужское общежитие находилось далеко от места встречи, и когда они прибыли, там уже собрались студенты из других классов.

Однако менее чем за минуту Чу Мянью стал центром внимания окружающих девушек.

Не только благодаря безупречным чертам лица — в его глазах читалась холодная отстранённость, которая как магнитом притягивала взгляды. Особенно выделяло его то, что, несмотря на одинаковую со всеми камуфляжную форму, он излучал уникальную ауру.

Девушки наблюдали, как он перебрасывается репликами с присевшим завязать шнурки парнем. Выражение его лица нельзя было назвать мягким — скорее, он ехидно над чем-то посмеивался. Когда же второй парень поднялся и повернулся, у девушек снова перехватило дыхание: перед ними была полная противоположность Чу Мянью — яркий, жизнерадостный, с озорными искорками в глазах. Несмотря на некоторую дерзость, он казался куда более доступным.

На протяжении всего собрания эти двое не могли избежать внимания девушек. Некоторые даже собирались передать им записки, но ледяное «не подходи» во взгляде Чу Мянью заставило их сосредоточиться на Юй Жане.

— Что это? — Юй Жань развернул записку с рядом цифр и задумался. Затем таинственно понизил голос: — Эти загадочные числа, похоже, предвещают грядущую катастрофу... А, понятно! Благодарю за смелость — рискнуть жизнью, чтобы предупредить меня...

Он многозначительно кивнул девушкам, нахмутив брови.

— Что они тебе написали? — тихо спросил Чу Мянью, наклоняясь.

— Кодовое слово, — мрачно сказал Юй Жань. — Вообще-то, я не знаю, какая организация за мной охотится. Позже изучу значение этих кодов.

Чу Мянью взял у него из рук записку, прочитал, лишь усмехнулся и вернул обратно.

После собрания каждый класс под руководством инструктора отправился в столовую на обед. Только переступив порог, все должны были принять строго определённую позу сидя. Стоило кому-то засмеяться — весь класс наказывали пятнадцатую приседаниями. К моменту раздачи тарелок и палочек у всех уже слегка ныли ноги.

Чу Мянью рано вернулся в общежитие, чтобы вздремнуть. Едва Юй Жань и остальные успели немного отдохнуть, как начались послеобеденные тренировки.

— Чу Мянью, раз уж я, как староста комнаты, ненадолго отсутствую, веди себя прилично, — Юй Жань подтянул ремень, подпрыгнул пару раз, затем добавил искренним тоном: — Не открывай дверь, если постучат, и не трогай электропроводку, ладно?

Чу Мянью перевернулся на кровати и сверху вниз посмотрел на Юй Жаня. Редкий случай, когда он решил с ним сотрудничать:

— Тогда не забудь взять ключ, староста.

— Ну, я пошёл, — уголки губ Юй Жаня дрогнули в улыбке, и он поспешно вышел, прихватив бутылку воды и складной стул.

Чу Мянью лёг и закрыл глаза. Едва слышно доносился голос инструктора, отдающего команды внизу. Вскоре стало тихо, его дыхание выровнялось — он уснул.

В этот раз ему приснился тёмно-синий кит, блуждающий среди облаков. Казалось, он плакал. Жаль, что человеческое ухо не способно уловить издаваемые им ультразвуковые волны. Ему пришлось весь день следовать за ним. Сон был лишён эмоций: начался беззвучно, так же плавно и закончился. Реальное время замедлилось, растянувшись от полудня до сумерек.

Когда Чу Мянью проснулся, было уже почти темно. В комнате не горел свет. Потягиваясь, он заметил, что внизу светится экран телефона.

— Почему ты один? — спросил он. — Включи свет.

Юй Жань убрал телефон и щёлкнул выключателем. Когда яркий свет ударил в глаза, Чу Мянью зажмурился, посидел так мгновение, прежде чем открыть глаза и взглянуть на Юй Жаня.

— Юй Жань, надень штаны. — отвернулся он к стене, цокнув языком.

— Какие ещё штаны? Я сейчас в душ собираюсь. И вернулся не ради тебя.

В данный момент на Юй Жане была лишь чёрная майка и трусы. Две стройные бледные ноги были полностью обнажены.

Он взял шампунь и гель для душа, поднял голову и торопливо сказал:

— Пошли со мной, сейчас есть горячая вода. Потом точно остынет.

— Не пойду, — Чу Мянью опустил взгляд, избегая смотреть на тело Юй Жана. — Позже схожу в учительское общежитие. Уже договорился с преподавателем истории.

— А? Почему не с нами? — Юй Жань странно посмотрел на него. — Боишься, что мы «это» увидим?

Дело касалось достоинства. Нервы Чу Мянью напряглись, и он практически выпалил:

— Разве ты уже не знаешь размер?

— О, точно, — Юй Жань почти забыл, что лично оценил «достоинства» Чу Мянью. — Ну, это как выращивать Братьев-тыкв: семь цветков на одной лозе.

Чу Мянью сжал кулаки, сидя на кровати, и его костяшки хрустнули. Едва сдерживаясь, он уже готов был обругать собеседника, но, повернув голову, снова увидел голые ноги Юй Жана. Юноша был стройным и пропорциональным. Мышцы его ног выглядели идеально — не слишком объёмными, но и не худыми. Когда он стоял по стойке «мирно», ноги казались почти хрупкими. Судя по красноватым пятнам на коленях, он сильно ушибся.

Слова Чу Мянью превратились в раздражённое:

— Юй Жань, надень штаны.

— Всё равно потом снимать. Неохота возиться, — Юй Жань стянул полотенце. — Ты чего? Сам не моешься с нами и мне штаны надевать велишь. Ты с ума сошёл?

Чу Мянью взял себя в руки:

— Это у тебя нет стыда.

— Блядь, — Юй Жань поставил таз на пол, быстро подошёл к кровати Чу Мянью и, подняв голову, угрожающе произнёс: — Давай на спор, я сейчас и трусы сниму! Чу Мянью, стоит тебе

взглянуть — и сам опозоришься!

С этими словами он приподнял край трусов пальцами.

Чу Мянью мгновенно зажмурился и отвернулся. Кровать дрогнула — он понял, что Юй Жань пытается забраться к нему.

— Юй Жань, слезай! — Чу Мянью крепко закрыл глаза. Его лицо покраснело до корней волос, и впервые в жизни он произнёс: — Отвали.

Он знал, что Юй Жань уже забрался — его дыхание было слишком близко. Возможно, он и правда был голым.

Нервы напряглись до предела, когда он услышал шёпот Юй Жана:

— Не бойся.

— Ладно, не буду тебя дразнить. Смотри, как ты напуган, — Юй Жань упёрся руками в спинку кровати. Чу Мянью чувствовал его дыхание рядом с ухом, когда тот смеялся. — Я прикрылся полотенцем. Даже если захочешь посмотреть — не покажу.

Брови Чу Мянью слегка разгладились, но он всё ещё не доверял и держал глаза закрытыми.

— Держи молоко, — Юй Жань поставил пакет на одеяло. — Разве ты не пьёшь его каждый день в школе? Рядом с лагерем есть магазин — купил для тебя.

В ежедневном рационе Чу Мянью молоко было обязательным пунктом. Но везти жидкости в чемодане неудобно, так что он решил потерпеть несколько дней.

Лишь когда его протянутая рука нащупала соломинку на упаковке, он медленно открыл глаза и взглянул на Юй Жана у кровати. Тот и правда прикрывал низ полотенцем.

— Почему не моешься с нами? — Юй Жань уставился в его лицо. — Вместе веселее.

При мысли о планировке северных общественных бань Чу Мянью почувствовал дискомфорт. Он не мог представить себя голым перед толпой — это казалось потерей достоинства.

Юй Жань внимательно изучал избегающий взгляд Чу Мянью и не удержался:

— Чу Мянью, ты что... стесняешься?

<http://bllate.org/book/15486/1373216>